

«Základní všeslovanská slovní zásoba».
Ústav jazyků a literatur ČSAV.
Etymologické pracoviště v Brně. [Brno]
1964, 560 стр.

В «Предисловии», написанном Ф. Копечным, сообщается, что весь этот «основной общеславянский словарный состав» был отобран в срочном порядке по просьбе комиссии Общеславянского лингвистического атласа, причем главным образом в морфологических целях (стр. 1). В книге содержится около 2000 слов-статей. В «Предисловии» же (стр. 1, сноска 1) высказана здравая мысль, что этимологические словари не могут служить источником расписывания, так как их данные представляют результат несколько субъективного отбора нередко частных значений и форм, — старых или оправдывающих именно данную этимологию.

«Основной» (základní) в понимании авторов не значит непроизводный, поскольку они дают очень сложные в словообразовательном отношении слова. В связи с этим представляет интерес важная мысль о том, что в ряде случаев о б щ е с л а в я н с к и м характером обладают сложные, производные образования, а не лежащие в их основе непроизводные образования, в ряде мест утраченные. И далее, там же: «Иногда как раз в таких случаях выбор непроизводной формы в качестве „основной“ был бы ошибочным и в генетическом отношении» (стр. 3). Составители понимают, что «общеславянское» не покрывает понятия праславянского, хотя в данном словнике в большинстве случаев оба понятия совпадают (стр. 4).

Не лишены интереса статистические наблюдения (количество слов, отсутствующих в одном языке, в двух, в нескольких) и классификационно-типологические основания этих наблюдений. Так, максимум отсутствия «общеславянских» элементов приходится на серболужицкие языки (см. стр. 4 и сл.). Однако эти обобщения и выводы несколько обесцениваются полным неучетом п р а с л а в я н с к и х элементов, известных только о д н о м у или двум языкам. Данное ограничение хотя и мотивировано темой книги, тем не менее лишает полноты древнюю, праславянскую картину. (Мы не говорим уже о бесспорном наличии лакун из-за неполного пока учета словарных данных по языкам в этом предварительном индексе.) Смысл данного нашего замечания сводится к тому, что как для классификационно-статистических, так и для словообразовательных обобщений (ср. наличие в этой книге обратного индекса заглавных слов статей в праславянской форме) собранный здесь материал еще далеко не достаточен. Детальность сообщаемых в «Предисловии» наблюдений и обобщений как бы контрастирует с определенной либеральностью отбора данных, несплошным его характером.

Рецензируемая книга представляет для славистов-этимологов интерес в двух отношениях: как труд, подготовленный коллективом составителей будущего славянского этимологического словаря (Брно), а также как некий вариант праславянского индекса. Насколько можно понять, это еще не пробный выпуск упомянутого брненского словаря, который мы все ждем с нетерпением. К тому же здесь мы имеем более или менее единообразный хронологически праславянский срез, тогда как брненский словарь как будто задуман шире. В другом из упомянутых двух отношений данный свод интересен как отражение представлений составителей брненского словаря о праславянской лексике, ее форме, как отражение опыта праславянской реконструкции. Последняя, в общем, вызывает мало принципиальных замечаний. Применяемая в книге праславянская фонетическая транскрипция основана на морфологическом принципе. Праслав. *x* передается как *ch*. К числу ошибок или опечаток может быть отнесено написание *nemoktĕ*, тогда как непроизводная форма дана выше правильно: *mogtĕ*. Более серьезный характер носят неточности, касающиеся как записи, так и самого понимания реконструкции: *skubsti*, *smĕjati se*, *volkno*; следует, по нашему мнению, писать праслав. *skubti*, *smĕjati se*, *volkĕno*. Вместо праслав. *ěsňъ* 'ясный' мы предложили бы

более приемлемое *ěs(k)nъ*, ср. совершенно аналогичное (ниже по алфавиту) *těs(k)nъ*; при отборе вариантов мы предпочли бы *gnusъnъ*, а не *gnosъnъ*, отнеся второе к более позднему, вторичным проявлениям назализации; вместо *kurъba* логичнее говорить о праслав. *kury* (род. *kurъve*); *dqti*, *dъmetъ* и *duti*, *dujetъ* имело бы смысл рассматривать на праславянском уровне как самостоятельные словарные позиции, достаточно старые формы с отличиями в употреблении и значении.

Эти несколько замечаний и уточнений, не претендующих на полноту, по-своему могут свидетельствовать о деловом интересе, вызываемом данной полезной публикацией, которая внесет свой конкретный вклад в наши общие представления о структуре праславянского словаря.

О. Н. Трубачев

L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, Lief. 2. Wiesbaden, 1964, стр. 59—138

В предыдущем томе «Этимологии» мы откликнулись краткой рецензией на выход в свет нового словаря Садник и Айцетмюллера. Перед нами второй выпуск этого словаря, содержащий часть буквы *b*. Принципы, на которых строится этот оригинальный труд, были охарактеризованы нами в рецензии на первый выпуск словаря. Здесь не имеет смысла повторять то, что уже было сказано раньше. Можно лишь отметить дополнительно, что алфавитная последовательность во втором выпуске, как и в предыдущем, касается в сущности только корней, тогда как производные от этих корней и сложения корней с предлогами-приставками занимают подчиненное место внутри таких алфавитных статей, иногда образуя особые подразделения. Таким образом, найти нужное слово по-прежнему трудно, если речь идет о производных формах. Многое, что должно было бы стоять рядом в сравнительном словаре славянских языков, здесь разобщено. Так, ст.-слав. *въвити* 'быть повивальной бабкой, принимать роды' и болг. *бáбъа* 'принимать роды, пеленать' рассматриваются вне связи друг с другом, хотя они и продолжают одну общую форму. Принятый в словаре порядок, затрудняющий задачу читателя, едва ли помогает и авторам в учете всего материала. Многие соответствия при этом ускользают от их внимания. Так, на стр. 130 приводится словен. *zabêla*, *zâbel* 'жир, сало, чем заправляют пищу', а существующее тождественное болгарское образование среди перечисляемых в этой статье болгарских слов с тем же корнем отсутствует.

Чтобы дать правильное представление об этом новом словаре, необходимо отметить, что он фиксирует огромный материал, в чем особенно убеждает сплошное чтение также и настоящего второго выпуска. Ср. богатство примеров сложений со вторым компонентом *-butъkъ* (стр. 97—99). Правда, стремление авторов дать как можно больше материала в наших глазах сильно обесценивается вполне осознанным отсутствием организующего начала во многих случаях. Выражение «das Material ohne Aufgliederung» (стр. 82) вполне отражает этот принцип авторов и характер всего известного нам труда в целом. В порядке реакции на прочитанное можно лишь сказать, что в работах такого рода композиция материала — это, по крайней мере, половина методологии. Наша критика, естественно, направлена против слабой расчлененности материала в словаре Садник и Айцетмюллера, в частности — против отсутствия расчлененности образований там, где она диктуется их структурой и этимологией. Мы имеем в виду случаи ошибочного отнесения слов к определенному корню. Не может считаться доказанной связь польск. *butrym* 'толстяк, бутуз' и глаголов *bucić się*, *butnieć* 'гордиться, чваниться' (стр. 71). Укр. *баламѣтити* и *каламѣтити* авторы считают связанными в том смысле, что второе из них — рифмованное образование от первого